

Не любите меня! Господа!

16+

Лариса Черногорец

Лариса Черногорец

Не любите меня! Господа!

«Автор»

2009

Черногорец Л.

Не любите меня! Господа! / Л. Черногорец — «Автор», 2009

ISBN 978-5-532-10341-2

Трогательная история о любви, полная интриг и приключений. Судьба юной дочери русского промышленника складывается трагически. Хрупкая девушка переживает испытание за испытанием, каждое из которых по силам даже не всякому крепкому мужчине. Она не сломлена ни интригами окружающих, ни северными холодами, ни тюремными ужасами, ни кавказским пленом. За ее сердце ведут борьбу двое мужчин, жизнь вовлекает её в любовный треугольник, и только время и настоящие чувства помогут понять, кто на самом деле её любовь и судьба. При оформлении обложки использовано изображение с сайта Pixabay по лицензии СС0.

ISBN 978-5-532-10341-2

© Черногорец Л., 2009

© Автор, 2009

Лариса Черногорец Не любите меня! Господа!

Жаркое марево горевшего особняка давным-давно осталось далеко позади. Остались вдали и версты лесных и проселочных дорог, сменявших друг друга, слезы и боль потери. Вокруг снова был лес.

– Погонять надо, барин! От пожара ушли, так здесь сгинем!

Фиолетовые брызги снега в лучах зимнего заката, из-под копыт пристяжного серого в яблоках коня тройки, которая замыкала торговый обоз в Оренбург, смешивались с морозным воздухом. Падая, они превращались в капли, на щеках молодой женщины в лисьей шубе и шапке, укутанной тремя медвежьими шкурами и почти дремавшей под ними в сумраке зимнего леса.

– Надо бы поспеть до темноты, барин! – худощавый парнишка в тулупчике, оборачиваясь к сероглазому бородатому мужчине в волчьей шубе, сидевшему рядом с женщиной слегка прищурился и вопросительно глядел на него, – Так чего? Погонять, что ли, отстанем ведь, барин, места здесь нехорошие. Зверья полно!

– Не гони, Колька, авось не отстанем. Ты мне барыню в дороге не растрясси. Гляди, вон ей худо совсем.

Женщина приоткрыла глаза:

– Не беспокойся, Мишенька, гони, если надо, отстанем – хуже будет. Мне полегчало уже.

– Юленька, мы не отстанем, а тряска ни к чему хорошему не приведет. Зимник не наезженный. Сани так и подпрыгивают.

Юлия отвернулась. Тряска и правда была сильной, не смотря на плотный слой снега на лесной дороге. Шевелиться почти не было сил, холод пробирал до костей, не смотря на длинную теплую шубу и медвежьи шкуры.

– Долго еще до города?

– Да, поди, верст тридцать лесом и верст десять поселками. Не беспокойся, родная, успеем, вот и обоз недалеко ушел, виден нам еще, и они нас видят. Нет нужды волноваться, ребеночек как?

– Не знаю, успеем ли, болит все.

Сумерки спустились внезапно, Юлия уснула, обоз почти скрылся из виду. Полная луна, выглядывала из-за редких облаков, освещая, словно фонарем дорогу. Кони внезапно захрапели и прибавили скорости. Колька и Михаил разом обернулись.

Стая! Барин Стая! – Колька, что было силы, протянул хлыстом сразу по всем трём лошадям.

– Не ори, вижу! Барыню разбудил, идиот.

Сани словно взвились. Следом за отставшей тройкой неслись серые тени.

– Вот теперь, Колька гони, почитай штук двадцать насчитал, если своих не нагоним – не быть нам живыми!

– Э-эх барин, говорил же вам! Не слушали вы меня!

– Миша что происходит? Юлия задыхалась от ужаса. Ребенок, чувствуя страх матери, отчаянно бился под сердцем.

– Успокойся, родная, уйдем, обязательно уйдем, кони хорошие, идут уже правда долго, но справятся, вот увидишь, загоноу, а уйдем. Успокойся.

Внезапно вожак стаи сделал рывок и вплотную приблизился к крайней лошади. Та заржала, – зубы зверя лязгнули прямо около её копыта. Михаил выхватил ружье и выстрелил.

Вожак слегка отстал, но стоя тихо, словно без всяких усилий, держась на одном расстоянии, преследовала сани. Юлия с трепетом глядела на происходящее, казавшееся каким-то кошмаром из далеких маминых сказок. Лицо Михаила выражало сосредоточенность и тревогу. Она понимала, что целиком и полностью зависит сейчас от него, хотя еще вчера, в прошлой жизни все было наоборот. Она не испытывала любви к мужу, всегда только дружбу и жалость. Он так любил её, просто боготворил, с самого момента их знакомства. Он добивался её всеми известными ему способами и плакал, как ребенок, когда она дала согласие выйти за него. Юлия дарила его своею милостью, всегда была равна с ним и безумно скучала. Он всю старался развлечь её, как-то угодить, но она не видела в нем достойного собеседника и уважала только его умение держать данное слово, преданность ей и техническую грамотность, так необходимую ее отцу. Михаил был хорошим охотником – лучшим в их краях. Теперь все зависело только от его меткости. Охота была его страстью. Он знал о звере все, что может знать человек. Неделями он мог жить зимой в тайге, охотясь, когда выпадало свободное время, и всегда возвращался с богатой добычей.

– Миша, ну что там?

– Не волнуйся, родная, сейчас я их положу всех по одному. А! Черт! Заклинило! Вот проклятье!

Сани трянуло на очередном ухабе, и ружье выпало из его рук. Словно по команде стая разделилась, и начала медленно с боков обходить тройку. Складывалось впечатление, что звери понимали – им ничего не угрожает, а несущаяся во весь опор упряжка словно стояла на месте.

Михаил с тоской посмотрел на Юлию.

– Нет выхода, родная, не поминай лихом.

Она с ужасом вцепилась в него:

– Нееет! Слышишь! Не смей!

– Нет выхода! Юлия! У нас нет другого выхода! Они порвут лошадей, а потом и нас. Колька! Береги барыню. Как в Оренбург прибудете – сразу к доктору её. Батюшке её телеграфируй!

Он погладил её по щеке. В его глазах были любовь и страдание.

– Прощай, родная. Гони! Колька! Гони что есть духу!

Выхватив кинжал, он бросился вон из саней. Юлия не могла обернуться. Слезы слепили глаза, Колька от ужаса всхлипывал и хлестал что было сил лошадей. Сзади, где-то далеко и удаляясь все сильнее, слышался визг, волчий вой и крик Михаила.

– Мишенька, Миша, что же ты наделал, Господи, помоги, Господи помилуй, – её губы еле слышно шептали слова молитвы. Она понимала, что он пожертвовал собой ради неё, и она никогда больше не увидит мужа живым. Ребенок, беспокойно бившийся под сердцем, внезапно замер. Резкая боль в животе пронзила со страшной силой. Она закричала. Колька обернулся:

– Барыня, вон обоз нагоняем, лес кончается! Потерпите, барыня!

Боль захватывала тяжелыми спазмами и сознание мутилось. Всплывали картины десятилетней давности. Словно в бреду она тоже ехала в санях, но ехала только уже не теперешней Юлией, замужней дамой, богатой наследницей, а той самой пятнадцатилетней Юленькой, – восторженной девчонкой, в сопровождении матери выезжавшей впервые в сердце России из далекого северного поселка. Там был рудник и заводы её отца, Григория Деменева, из простого купца, превратившегося в промышленника и не последнего в стране человека по богатству и известности.

Бред и явь сливались воедино, и она уже не понимала где она и что с ней. Ей казалось, что сани въезжают прямо в зимний Петербург и её, уснувшую в санях девчонку, лакей несет

на руках прямо в её комнату в особняке на краю города. Няня Марья раздевает её и кладет в постель, укрывая теплым одеялом. Спать.... Хочется спать....

Глазам очень не хотелось открываться, но мучавшая жажда все-таки заставила Юлию приподняться на подушке и прошептать:

– Пить...

– Голубонька, лежи, лежи, не вставай, детонька. Сейчас водички подам!

Марево, пеленой застилавшее глаза, рассеялось. Юлия лежала в больничной палате. Вокруг неё суетилась пожилая сухонькая сиделка с добрым и морщинистым лицом.

– Вот, попей, детонька, попей!

– Где я?

– А в больнице, детонька, в больнице, в Александровской, в Оренбурге, где ж еще, еле-еле довез вас парнишка-то Ваш, на руках на второй этаж за минуту дотянул, мальчишка еще совсем, а какой сильный! Он и батюшке телеграфировал вашему, заснул вон на кушетке в коридорчике, истомился весь, очень за вас переживал. Плакал даже. Поездом отец ваш завтра к вечеру прибудет. Да ты, детонька, не сумлевайся. Доктор у нас самый лучший, Лука Лукич не одному младенцу жизнь спас – и твоего выходим. Вот капельки, выпей капельки.

– А муж мой! Где он! Что с моим мужем! Его нашли?! – жуткая картина произошедшего вдруг всплыла перед глазами.

– Вот капельки, выпей милая!

Горько-сладкий, вязущий вкус невозможно было спутать ни с чем. Опий! Она помнила, как в детстве выпила капли, которые давали ее больной бабушке. Она тогда очнулась только через три дня – отец с матерью чуть с ума не сошли.

Зачем они поят её опиумом, это же вредно для ребенка! Но говорить не было сил. Глаза закрылись сами собой. Сон рисовал картины прошлого. Опять один и тот же сон. На протяжении последних десяти лет она видела его каждую ночь. В тех или иных вариациях, но сон повторялся. Как будто проживая днем одну жизнь, во сне она жила в параллельном мире. Этот параллельный мир из ее прошлого возвращал ей давно забытые чувства.

Они путешествовали с матерью и отцом впервые за всю её жизнь. Зимний Петербург, весенняя Москва и, наконец, Екатеринодар. Столица Кубанской области. Небольшой городок, полупровинциальный, казачий, и одновременно такой яркий и разгульный в своих торжествах. Традиционные казачьи ярмарки и народные гулянья каждый церковный праздник, чередовались с приемами у местной знати. Приезжие дворяне, направлявшиеся в Черноморскую губернию к морю, по дороге останавливались именно здесь. В особняке генерал-лейтенанта Истомина балы давали по случаю приезда той или иной особы практически ежемесячно. Май на юге был необычайно красив. Буйная зеленая листва сменила цветущие облачка на ветках деревьев. Все дышало свежестью, улицы буквально утопали в зелени, даже в этом душном городе парки и скверы были основной достопримечательностью.

Григорий Деменев, намерзшись на северах, отчаянно мечтал переехать всей семьей куда-нибудь на юг. Не имея возможности насовсем оставить завод, он ограничился покупкой имения рядом с Отрадной, и небольшого особняка в центре Екатеринодара. При этом предварительно договорился с женой, что та с Юлией будет обустроить хозяйство, а он в осень будет возвращаться назад, на север, на завод, а к весне приезжать в Екатеринодар к семье. Другого выхода не было. Оставить на управляющего все дело своей жизни Григорий Тимофеевич не мог. Освоившись, первые три дня на новом месте, матушка с батюшкой принялись активно знакомиться с соседями и обживаться обстановкой. Григорий Тимофеевич весь день был в

разъездах с визитами, а матушка так активно хлопотала по хозяйству, что под вечер ни у нее, ни у слуг не было сил, все падали замертво и уже были не в возможности поднять головы от подушки. Для Юлии, которая привыкла к скромному дому в северном поселке, напоминавшему больше сказочный теремок, с маленькими уютными комнатами, особняк, купленный в Екатеринодаре, с его бальной залой и многочисленными комнатами, и спальнями, был просто царским дворцом. Она, по воле родителей отстраненная от бытовых забот, который день скучала с книгой. Сидя на резном, плотно увитом плющом балконе второго этажа она не первый раз обращала внимание на соседский милый особняк генерал-лейтенанта. Сложенный из белого кирпича, он стоял словно сказочный замок, окруженный садом, прятая в своих ветвях летнюю беседку. Виден был лишь один её край, резная насквозь стенка и перила. Там всегда было какое – то движение, слышались голоса, но сад прятал фигуры и все происходящее.

Солнце садилось. Юля отложила книжку и задумчиво глядела в сторону особняка. Вдруг на перила беседки вспрыгнул и уселся боком юноша, улыбаясь и определенно глядя прямо на Юлию. Она засмушалась и отвернулась. Юноша, видимо, не собирался уходить. Почему-то Юлии стало не по себе. Он был симпатичным, по крайней мере, ей так показалось изда-лека. До этого она никогда не испытывала того, что почувствовала в этот момент. Словно сжатое ледяной рукой сердечко бросили куда-то в живот. Дыхание перехватило. Рядом с юношей показался еще один – коренастый, светловолосый. Даже не взглянув в её сторону, он ухватил друга за рукав и потащил вглубь беседки.

– Андрэ! Тебе шах!

В глубине комнат послышался маменькин голос:

–Юлия! Немедленно спускайся. Портниха ждет уже четверть часа!

Юлия сбежала по лестнице вниз в большую залу.

– Ты, милочка, верно, забыла, что сегодня у тебя последняя примерка – завтра бал у генерал-лейтенанта, и, между прочим, в нашу честь, так что будь любезна! Раздевайся! – маменька явно сердилась.

Юлия скинула домашнее платье и надела бальное. Шелковое, легкое, бирюзовое, скорее даже, цвета морской волны, шитое по последней моде – оно было почти готово. Юлия стояла около большого зеркала, а портниха подшивала подол. В отражении Юлия видела, как маменька смахивала слезу украдкой, любясь красотой юного создания.

– Мама, ну не плачь!

– А кто тебе сказал, что я плачу? – Я просто радуюсь. Гляжу, какая ты у меня красавица выросла! Кто бы мог подумать, еще пару лет назад ты была совсем ребенком.

Портниха, приподняв голову и взглянув на Юлию, закивала, поддакивая хозяйке:

–Ваша правда, сударыня. С таким лицом и такой фигурой ваша дочь произведет фурор! Местные дамы конечно холят своих дочерей, но Ваша -это просто нечто– настоящий бутон!

–Ой, – Юлия фыркнула, – Да с каким там лицом, какой фигурой! Тоже мне, «бутон»!

Она глядела в зеркало и, как будто, сама для себя открывала себя совсем другую. Взрос-лое платье выгодно подчеркивало её тонкую таллию, для её достаточно невысокого роста она действительно была неплохо сложена, кареглазая, с длинными локонами коньячного цвета, она действительно была хороша, так хороша, что даже самой себе нравилась. Совсем другая, чем в этих детских нарядах с бантами в косах, какой была еще год-два назад.

– А что мама, у генерал-лейтенанта большая семья?

– Признаться, семья не большая, он да супруга, сын у них восемнадцати лет.

Портниха снова вмешалась в разговор:

– Какой у генерал-лейтенанта сын! Настоящее сокровище. С отличием окончил гимна-зию, учится на инженера, у них на чердаке огромная труба, – телескоп – он по нему звезды

изучает. Книг прочел, поговаривают, не одну сотню. А уж как хорош собой! Но, знаете ли, больно серьезный. Книжки всё, да книжки! Как экзамены закончил, так все читает, да читает, боксировать, говорят, еще любит.

– А что, он завтра тоже будет на балу? Мама, а как ты думаешь...

– Ну, все! Милочка! Готово! А теперь снимай наряды и марш в свою комнату. Спать! Выпить молока с печеньем и спать! – маменька, словно пресловутый генерал-лейтенант отдала команды, – завтра у нас трудный день. Завтра все сама увидишь.

Большая бальная зала была заполнена больше, чем наполовину. Юлия волновалась так, что дрожали коленки. В своем новом платье, золотых, с замысловатой огранкой, заколках в волосах, уложенных в затейливую прическу, в тесных туфельках, она чувствовала себя совсем неуютно. С какой радостью она сменила бы этот наряд на штаны с рубахой, в которых еще пару лет назад бегала в тайгу, или, в крайнем случае, на свое старое детское платье!

Генерал-лейтенант, в сопровождении семьи, подошел к вновь прибывшим. Юлия обомлела. На неё смотрел тот самый юноша, которого она видела вчера в беседке, и который так бесцеремонно улыбался ей. Теперь она могла разглядеть его с ног до головы. Он был довольно высок, широкоплеч, русые вьющиеся волосы были тщательно уложены, необыкновенные, ясные, серо-голубые глаза, взгляд пронзительный, смелый. Прямой римский нос, тонкие губы. Юноша глядел прямо на неё, не сводя с неё глаз. Юлия почувствовала вчерашний холодок в животе, и ей очень хотелось ухватить рукой и успокоить затрепыхавшееся, словно птица в силке сердечко. Генерал-лейтенант, пожал руку её отцу и, поклонившись маменьке, представился:

–Истомин Владимир Андреевич! Позвольте представить супругу мою, Валентину Михайловну, а это мой сын – Андрей Владимирович!

Григорий Тимофеевич, не заставив себя долго ждать, представил их в ответ:

– Позвольте, со мной можно без особых церемоний. Супруга моя – Валентина Семеновна, моя дочь – Юлия.

Раскланявшись с другими гостями, генерал-лейтенант представил вновь прибывшего Григория Тимофеевича, шутливо отрекомендовав его, едва ли не богатейшим жителем всея Руси, и своим добрым другом с первого дня приезда. Вереница местной знати потянулась длинным шлейфом, обмениваясь любезностями и карточками для визитов. Юлия стояла, сжав зубы и пытаясь утихомирить свое разбушевавшееся сердце. Сзади, в трех шагах стоял Андрей. Она чувствовала его взгляд спиной, он прожигал её насквозь. Ей пришла в голову мысль – теперь она понимает, нет – чувствует на своей шкуре всю прелесть фразы «душа ушла в пятки». Да отчего ж ей так страшно?! Она сердилась на саму себя до слез, она всегда была сорванцом, в бой шла сломя голову, она могла закидать в одиночку снежками дюжину деревенских мальчишек. В детстве Юлия даже дралась с ними, однажды невольно вызвав скандал, оттого, что нечаянно выбила зуб здоровенному детине, оказавшемуся вдобавок сыном местной знахарки. Та, как увидела окровавленную физиономию своего чада, разразилась дикой бранью. Осыпала Юлию проклятиями, в ряду коих было «схоронить тебе и мужей, и детей», да «детей родить в муках адских, и от них и окочуриться». Немыслимо жестокая и неприглядная сцена не вызвала тогда у нее особого страха. Батюшке пришлось раскошелиться на компенсацию, а ей тогда влетело по первое число. Фраза «смелость города берет» была её пожизненным девизом. Нет, нельзя показывать своего интереса и своего испуга. А вот он, можно заметить, явно заинтересован! Будем неприступны...

Так, убеждая саму себя, она не заметила, как закончился поток приветствующих, и началась основная часть вечера. Генерал-лейтенант, поклонившись, тоном любезным, однако не терпящим возражения, пригласил папеньку с маменькой в соседнюю залу и более жестким тоном, обращаясь к сыну, произнес:

– Андрей, я надеюсь Юлия Григорьевна не останется без твоего внимания, и ты не заставишь её скучать. Поручаю её твоим заботам. Познакомь её со своими друзьями!

Андрей, поклонившись отцу и гостям, направился к Юлии. Она наблюдала за ним с восхищением. Все, что он делал – делалось с достоинством: походка, осанка, поворот головы, это был скорее не сын генерал-лейтенанта – он был, словно принц, цесаревич, особа королевской крови. Такие манеры кого угодно могли повергнуть в благоговейный трепет. Все уговоры самой себя выскочили из головы пулей. Андрей подошел, слегка склонив голову и улыбнувшись. Этот жест был полон такого обаяния, что бастионы, выстроенные на «неприступности» и «гордости», рухнули в тот же миг.

– Позвольте сопровождать вас!

– А... – в горле у Юлии пересохло, нога подвернулась, и она неммыслимым усилием сдержала слезы, чуть не брызнувшие из глаз от стыда и ужаса. Крепкая рука Андрея подхватила её под локоть, и словно по волшебству, в другой руке появился бокал лимонада.

– Юлия Григорьевна, пойдёмте на свежий воздух, здесь очень душно, вы, верно, не привыкли еще, ведь вы, если я не ошибаюсь, с севера.

Он жестом пригласил её за собой на террасу. Свежесть вечернего воздуха помогла ей прийти в себя. Андрей, с заботой, спросил:

– Вам неудобно в этой золотой клетке? Я тоже не с самого рождения здесь, поэтому долго привыкал. Не переживайте, и вы привыкнете. – Он изучающе смотрел на неё.

Юлия с достоинством выдержала его взгляд и, взяв паузу, парировала:

– А вы всегда так добры к девушкам?

– Только к очень красивым девушкам, – снова склоняя слегка набок голову, ответил Андрей – А вы очень красивы, и очень непохожи на других.

Обескураженная такой искренностью, Юлия сразу не нашлась и выпалила то, что думала

– Вы тоже... вы тоже ни на кого не похожи... хотя нет ... похожи...

– Вот как? – Андрей удивленно приподнял брови и улыбнулся. Улыбка добрая и полная обаяния озаряла его лицо каким-то необыкновенным светом. – На кого же?

– На принца... Юлия вдруг вспыхнула, поняв, что сморозила глупость, и уже ждала смешка или колкости.

– А вы на Золушку, – прекрасную и загадочную, точно, как в сказке.

Он вдруг несмело взял ее руку, и поцеловал кончики ее пальцев в кружевных перчатках. Юлия вспыхнула, она ведь не замужняя дама, это не принято, ей прежде руки никто не целовал. Послышалось шуршание бальных нарядов у входа на террасу

– Андрей! А! Ты здесь!

Стайка смеющихся девушек впорхнула в двери. Стоявшая посередине невысокая черноволосая, очень красивая девушка, тоненькая, хрупкая, с нежной белой кожей и большими пушистыми ресницами, только что заливавшаяся серебристым смехом, внезапно замолчала. Увидев сцену, происходящую на террасе, посерьезнев, она прохладным тоном произнесла:

– Вот вы оказывается где, сударь! А мы вас потеряли. Нехорошо бросать своего лучшего друга в моем лице на растерзание молодым повесам.

– Натали! – Андрей, с достоинством поклонившись и предложив руку Юлии, подвел её к компании, – Позволь представить тебе и всем присутствующим Юлию Григорьевну, мою соседку и надеюсь, с сегодняшнего дня добрую знакомую.

Натали, которой явно не шел цвет ее бального платья – она бы в сто раз лучше смотрелась в классической казачьей блузе, смерила презрительным взглядом Юлию с головы до ног и холодно бросила:

– Рада знакомству. Что ж, Андрей! Не задерживайся, помни, что старый друг лучше новых двух, мы ждем тебя в зале. Мы ведь вальсируем сегодня!

Андрей, усмехнувшись, поклонился и развернулся к Юлии, -

– Простите за дерзость! Юлия Григорьевна, я вас совсем мало знаю, вернее практически совсем не знаю, но хочу, чтобы вы дали мне одно обещание!

– Обещание? Какое?

– Прошу, чтобы вы сегодня танцевали только со мной, обещайте!

Он смотрел на неё прямо, слегка настырно улыбаясь, но одновременно так тепло и так завораживающе.

– Но... кажется вы уже пригласили даму на вальс.

– Да, но остальные танцы! Прошу вас!

– Хорошо. А Вы напористый, сударь!

– И еще! Простите, но у нас тут провинция, все друг друга знают с детства так, что, если официальная часть приема окончена, принято на «ты» ... Можно? Юлия.

– Ну что ж, на «ты»? Ну, значит на «ты» ...

Он, потянул её за собой.

– Вальс! Пойдем, Юлия, ты обещала!

– Андрей...

– Андрей... Андрей...

– Вот так уже третий день бредит, батюшка, Лука Лукич!

Сиделка смочила ткань прохладной водой и положила на голову Юлии. Доктор в больших очках в роговой оправе, седой и худощавый подошел к ней и, наклонившись, проверил пульс.

– Плохо дело, Микитична, плохо, если отец её не приедет в ближайшие часы я...

Внезапно дверь распахнулась, вскоченный, бородатый, огромного роста мужчина в дорогой шубе ворвался в палату.

– Я – Деменев! Где моя дочь?!

Его взгляд упал на мертвецки бледное, с черными кругами под глазами, лицо Юлии. Он выдохнул и схватился за сердце

– Что с ней?!

– Прошу вас, Григорий Тимофеевич, выйдем, мне нужно с вами серьезно поговорить.

Они покинули палату, и сиделка только из-за двери едва слышала обрывки разговора.

– Прошу вас, успокойтесь, мы еще можем спасти мать. Ребенка уже, к сожалению, спасти нельзя.

– Как?!

– Вы слишком затянули с переездом, и потом... я слышал с её мужем... видимо этот страшный случай вызвал такие последствия. Плод замер около трех суток назад, необходимо его извлечь как можно быстрее, пока не началось разложение, иначе потеряем Юлию Григорьевну. Без вас я, признаться, не решался на это.

– Какого черта вы тянули! Делайте все что нужно...

– Мы вызовем схватки. Думаю, все пройдет быстро – рожая семимесячного, она сильно мучиться не будет. С вашего разрешения я должен дать снадобье.

– Делайте. Делайте же, черт вас дерит, все что нужно! Только ради Христа, не говорите ей, что ребенок умер. Пусть она старается, верит, что рождает живого, здорового ребенка, а там уж как-нибудь...

– Воля ваша.

Доктор вошел в палату. Через несколько минут он вернулся к Деменеву.

– Сейчас начнется. Вам лучше уйти, – это не для отцовских ушей. Мы сообщим вам, когда...

– Это моя единственная дочь! У неё муж погиб, её спасая. Она думает, что осталась одна, я должен! Слышите вы, доктор, я должен быть с ней! У неё здесь больше никого нет.

– Ну что ж. Не смею возражать.

Деменев устало присел на кушетку в коридоре. Под лежавшим рядом тулупом кто-то зашевелился. Показалась взлохмаченная голова Кольки.

– А! Это ты, парень, – Деменев положил мальчишке на плечо свою тяжелую руку. Спасибо тебе, парень! Спасибо за Юленьку.

– Да что вы, барин, Григорий Тимофеич, да я за Юлию Григорьевну, я ж её ... он расплакался, уткнувшись в свой тулуп, – барина молодого жаль, эх! Если б вы видели, как он тогда прямо в стаю выпрыгнул....

– Поплачь, Колька, поплачь! Слезы, они душу омывают, поплачь Колька, авось полегчает. Святой был человек, прими его душу, Господи. Девочку мою спас – себя не пожалел. Эх, если б не бунт этот! Теперь надо скорее с Юленькой дело решить и назад ехать. Остался и без инженера. Эх, Миша, как погиб, упокой Господи. Завод стоит, управляющий в панике...

Рукавом шубы Деменев смахнул с глаз слезу и, рванув дверь, вошел в палату. Услышав шаги, Юлия открыла глаза:

– Папенька! Господи! Папенька, – она зарыдала.

Деменев бросился к её постели и обнял её.

– Ну-ка не реви, путешественница ты моя, горе моё луковое, ну-ка не реви, дитё перепугаешь, вон доктор говорит – роды у тебя начались. Давай мне, старайся, а я рядом буду. Я с тобой буду, слышишь.

– Папенька, тебе сказали? Миша!

– Знаю, милая, знаю, ты не хорони его раньше времени. Вот люди оттуда вернулись, и Колька, – все осмотрели – нету там его. Только трупы волчьи – авось и жив, авось стаю увел за собой, да схоронился где, а ты за него не беспокойся, ты ж его знаешь он и неделю в лесу проведет – не пропадет. Я уж и народ снарядил, ищут его, ищут. А ты старайся, старайся. Милая, моя, родная моя, а я рядом буду.

– Папенька они меня опиумом поили, это для ребенка вредно...

– Верь доктору, моя хорошая, то они тебе отдохнуть давали, силы собрать – роды у тебя начались, преждевременно правда, ну да авось Бог помилует. Я вот тоже семимесячным родился, а вот – гляди какой нынче.

Скрывая горечь, и через силу улыбаясь, Деменев встал во весь свой богатырский рост и повернулся кругом.

Боль, начинавшаяся, как простое покалывание, внезапно стала чаще и сильнее. Пульсирующая, разрывающая все изнутри жесткая и непреходящая, точно судорога, она захватила все тело. Юлия закричала. Деменев, не вынеся этой картины, выскочил из палаты. Лука Лукич уже шел по коридору.

– Ну что! Началось? Вы батенька идите в храм, свечку ставьте, да молебен закажите, ну чтоб все как положено. Чтобы быстрее освободилась. Храм у нас на площади через три квартала, а здесь вам, право, делать нечего.

– Папааааа!!!!!! – Крик Юлии, раздавшийся вновь из-за двери, заставил обоих обернуться.

– Ничего, ничего Григорий Тимофеевич, обычное дело, все кричат, – он снял очки и протер их платочком, затем усмехнулся в усы. – Только знаете, обычно все кричат «Мама»... Любит она вас безмерно, видимо. Идите, сударь, идите, вы мне здесь ничем не поможете, только мешать будете. Мы все делаем правильно. Не сомневайтесь...

– Ааааааа!!!! Крик становился все громче.

Колька упал в ноги Деменеву.

– Батюшка, барин, можно и мне с вами, не выдержу я!

– Пошли, Колька, мне, признаться, тоже не по себе.

Вечером следующего дня Микитична постучалась к доктору в кабинет:

– Батюшка, Лука Лукич, ну сил нет смотреть, как болезная мучается, уж вторые сутки не может разродиться. Она уже и кричать не может, стонет только.

– Знаю, Микитична, знаю, уж и отец её у меня был, и пугал и молил, да только я-то, что могу сделать – мы уж и по французской технологии инъекции ей делаем, схватки идут, а толку... Это ж надо – так с семимесячным страдать, не был бы врачом – подумал бы что заговорили её.

– Так может операцию?

– Молчи, что ты понимаешь! Девчонка еще совсем, ей рожать – не перерожать, если сейчас разрежем – детей никогда больше не сможет иметь. Резать буду в последнюю очередь. Иди... не оставляй её ни на минуту. Сердце крепкое – выдержит. Иди, мне работать надо.

Микитична закрыла за собой дверь. Доктор вышел за ней в коридор. По всему зданию раздавался протяжный хриплый стон.

– Да-с. Горло сорвала уж себе. Так она и впрямь все силы растратит. Ты вот что, ты накапай ей там, ну сама знаешь... пусть хоть ночь поспит.

Юлия лежала не в силах пошевелиться от разрывающей её тело боли. Кричать сил не было, она могла только выть как раненый зверь, страшно и жалобно одновременно. Микитична вошла с каплями и стаканом воды.

– Ничего, детонька, ничего, вот, капельки выпей, они боль снимут на время. Потерпи, доктор сказал уж скоро совсем, потерпи, милая.

Юлия залпом выпила снадобье и откинулась на подушку. Вот если бы ради Андрея... ради него она бы терпела, стиснув зубы и неделю, но сейчас-то за что? Хотя, даже ради Андрея! Он теперь женат, где он сейчас? Если бы не Натали с её интригами, то не она, а Юлия была бы сейчас невесткой генерал-лейтенанта Истомина и женой самого красивого, самого желанного мужчины на свете. Жила бы сейчас, припеваючи, в благодатном Екатеринодаре, в белокаменном особняке. И, возможно, она уже была бы матерью его сына. Она мечтала об этом с самой первой минуты их знакомства. Можно было только предположить, как она могла быть такой беспечной, что позволила так всё подстроить Натали, и разрушить то, что с такой любовью строила долгие месяцы.

Снова захотелось пить, но Юлия уже не могла ни открыть глаз, ни пошевелить губами. Боль отошла куда-то на второй план, и сон снова завладел её сознанием.

– Юленька, моя Юленька! – Андрей стоял на коленях перед ней и целовал её руки, – ну наконец-то ты вышла ко мне! Зачем ты мучила меня целый месяц. За что твоя немилость?

Юлия с каменным лицом протянула ему записку:

– Родители были в отъезде, я не могла вас принять. Я полагаю, сударь, что после того, что вы мне написали, я и не должна больше принимать вас, не понимаю, зачем вы целый месяц обиваете мой порог и просите о свидании. После трех месяцев нежной дружбы прочесть это... как вы могли поступить так жестоко! Полагаю, между нами все кончено. Я вырвала вас из сердца. Один бог знает, чего мне это стоило.

Она сделала реверанс и, всучив ему в руки скомканный клочок бумаги, удалилась в глубину комнат. Андрей дрожащими руками развернул записку:

«Юлия, простите, но меня связывают обязательства, которые сильнее меня. Чувство к женщине, которую я знал задолго до Вас, переполняют меня, я никогда Вас не любил и не обещал Вам ничего. Мне невозможно более видеться с Вами.

В скором времени мне предстоит связать себя узами брака. Прошу простить меня и не навязываться мне с визитами. Более видеть вас у меня нет никакой возможности, поскольку это ранит мою возлюбленную. Надеюсь на Ваше благородное сердце и холодный разум – Вы найдете, что объяснить Вашим родителям.

Простите меня.

Андрей Истомина.»

Андрей опустил записку. Разум мутился. Откуда! Кто мог написать это! Юлия, бедная – теперь понятны её капризы, хотя нет – это не капризы. Так ранить это искреннее, доверчивое существо не могло ничего сильнее, чем слова в этой записке. Он бегом кинулся вверх по лестнице, опрокинув по пути лакея. Дверь в комнату Юлии была заперта изнутри, слышались всхлипывания. Он тихонько постучал, сдерживая эмоции.

– Юленька, открой, это чудовищная ошибка, открой.

– Подите прочь, сударь! Здесь маменька и... Я позову прислугу, и вас вышвырнут с позором. Подите прочь, я видеть вас не могу.

Андрей, сжав зубы, повернулся спиной к двери. Нет, её не уговорить. Он должен видеть её глаза! Отойдя на немного, он что было силы ударил плечом дверь. Крючок слетел с петли, и его глазам предстала изумленная, перепуганная Юлия. Глаза её были полны слез. Он схватил её за плечи и прижал к себе.

– Я не писал этого, слышишь, милая, не писал, да, подчерк похож, но я никогда бы не написал этой мерзости, как же ты могла поверить, почему не позвала меня тот же час, не показала мне это? Я понятия не имею, откуда у тебя это. Поверь мне, только поверь, пожалуйста, я не перенесу твоего отказа. Умоляю, посмотри мне в глаза.

Взгляд его был тверд и искренен. И кроме тревоги и непонимания она не видела в нем ни тени лукавства. Душа начинала оттаивать.

– Эту записку принес твой лакей.

– Какой? Немедленно пойдем ко мне, я выстрою перед тобой всю прислугу, мы дознаемся кто этот мерзавец. Юленька, моя Юленька, да как же ты могла поверить в это. Ведь мы с тобой три месяца каждый день были друг с другом и говорили обо всем на свете, искренне говорили, я ведь с ума по тебе схожу. Я...

Андрей замолчал. Взяв её за руки, он подвел её к окну:

– Я никогда не причиню тебе боль, милая, слышишь, никогда! Это чья-то чудовищная шутка.

– Если бы ты знал, как тяжело было мне по крупинке вырывать тебя из своего сердца. Я почти сделала это. Оно почти разбито. Почти окончательно...

Юлия отвернулась и отошла к столу. Андрей подошел сзади и обнял её за плечи.

– Я люблю тебя!

Она повернулась к нему и посмотрела в его ясные глаза, сиявшие искренностью. Она видела только любовь и надежду.

– Ты никогда мне этого не говорил.

– Я никому этого не говорил, и никому не скажу, слышишь, я люблю тебя. Всем своим сердцем люблю. С самого первого дня, когда я тебя увидел на балконе с книгой. С самого первого взгляда, искренне и навсегда, слышишь, навсегда!

Он наклонился и несмело поцеловал её в губы, потом еще, и еще раз. Это был необыкновенный – сильный и нежный поцелуй, такой глубокий и чувственный. Голова закружилась. Юлия чуть не потеряла сознание. Ее никто и никогда не целовал. Он был первым. И этот поцелуй был первым в её жизни.

– Я чуть с ума не сошел за этот месяц! – Андрей обнял её, поднял на руки, – почему я не добился, чтобы ты приняла меня раньше... у нас теперь так мало времени, так безнадежно мало... я завтра уезжаю, но всего на пару недель. Я приеду, и уж тогда нас больше уже ничто не сможет разлучить. Я сразу же, немедленно женюсь на тебе.

– Подождите, сударь, – Юлия спрыгнула с его рук и, вытерев остатки слез, упершись руками в его плечи, сделала сердитую мину, – Вы кажется, меня забыли спросить.

– Юленька.

– Я тоже тебя люблю. Всем сердцем.

Она обняла его и прижалась к нему с усталой и счастливой улыбкой на лице. Андрей вновь поднял её на руки и поцеловал. Какими сладкими, какими горячими были его поцелуи. Он обнимал её своими крепкими руками. Она любовалась его красивым, благородным профилем, его осанкой, светлой улыбкой, она боготворила его манеры. Он был лучшим, самым лучшим.

На лестнице послышался топот бегущих лакеев и встревоженный голос маменьки.

– Тебе нужно уходить... Я люблю тебя, Андрей!

– ...люблю тебя, Андрей!

– Бредит во сне. – Микитична снова положила Юлии на лоб смоченную холодной водой тряпицу. Колька стоял в проёме дверного косяка и во все глаза смотрел на свою хозяйку:

– Так, ить помрет, Микитична!

– Ой сынок, страшно мне говорить, я тут повитуху нашу приводила, бабу, она и порчу снимает и сглаз, и дитя поправляет, так она её посмотрела, пока та спит.

– И чего?

– Сделано ей, – на смерть сделано. Не разродится она сама! Либо резать, – а доктор говорит, что тогда она уже никогда родить не сможет, либо помрет она в страшных муках. Тут бабка нужна. Сильная бабка.

– Так, где ж её взять.

Есть тут у нас – на Семеновской живет, она страшная колдунья. Она и сама на смерть делает, но за деньги все, что хочешь, снимет.

– Так я побегу!

– Она деньги вперед берет

– Так батюшка её мне на расходы дал аж двенадцать рублёв. Авось хватит.

– Ты беги, сынок беги, авось и поможем горемычной. Беги, вон, светает уж.

Колька опрометью бросился вон из палаты. Микитична уселась в кресло качалку и, спустя несколько минут, заснула.

Лучи утреннего солнца осветили помещение. Юлия проснулась от укола иглы. Лука Лукич погладил Юлию по ладони.

– Не бойтесь. Это шприц, с помощью иглы я ввожу вам раствор. Это сейчас самое новое средство лечения. Я приобрел его в Париже. Должно помочь. У нас только сутки, милая, если не сможете родить, мне придется вас оперировать.

– Прооперируйте сейчас, спасите моего ребенка, умоляю.

– Боюсь это сейчас не главное. Сейчас мы вынуждены спасти вас, а если я прооперирую, вы никогда больше не сможете иметь детей.

– Мне все равно, доктор, спасите моего ребенка! Пусть я умру, только бы он жил!

Боль начала возвращаться. Юлия вновь кричала во весь голос. Схватки шли каждую минуту. Доктор вышел из палаты. Деменев ждал его в коридоре. Он был чернее тучи.

– Какие сейчас проблемы, доктор, я заплачу сколько скажете, сделайте же что-нибудь, наконец!

– Признаться, я первый раз вижу такое – третьи сутки в родах и нет никаких результатов. Схватки идут достаточно сильные, при такой интенсивности она должна была разродиться в течение сорока минут, а она бедняжка уже так долго такие муки терпит. Поверьте, это нечеловеческая боль.

– Так что ж делать! Дайте ей обезболивающее!

– Я не могу давать чаще одного раза в сутки. Сегодня будет последний раз. Иначе она привыкнет и не сможет без них жить.

– Тфу-ты! – Деменев плюнул и, в сердцах, выругался.

– Молитесь, милейший, молитесь, это все что нам остается. Я Вам обещаю, что, если ничего не изменится, я завтра её прооперирую. Последствия вы знаете.

Доктор вышел, протерев очки. Деменев направился в гостиницу.

До полуночи Юлия мучилась от разрывающей её боли. Лука Лукич принес снадобье и отдал Микитичне. Погладив Юлию по руке, он вышел из палаты. Юлия потянулась за стаканом, но Микитична заговорщицки подмигнув ей, отодвинула его:

– Не пей, детонька, сейчас к тебе придет кое-кто, будем тебя спасать.

– Да что с Вами! Дайте мне лекарство! Не мучайте меня!

Дверь приоткрылась, и всклокоченная Колькина голова вопросительно уставилась на Микитичну:

– Я привел.

– Давай её сюда, милоч!

В дверь протиснулась грузная бабка, неопрятная, седая, с кошелкой в руке. Юлия застонала и отвернулась. Бабка чем-то была похожа на ту знахарку, что прокляла ее в детстве. Юлия даже испугалась, внезапно вспомнив о том проклятье, – неужели она и впрямь умрет в родах, как кричала ей та страшная старуха.

Пришедшая женщина подошла к постели и вытащила свечку и стакан. Налив в стакан воды из бутылки, бабка разбила в него яйцо и поставила в изголовье постели Юлии, затем зажгла свечку и стала обходить с нею постель. Свечка трещала и чадила, искры сыпались как от бенгальского огня. Бабка покачала головой

– Это кто ж такой грех на себя взял. Сделано тебе, девка, сделано на смерть страшную. В наших краях кроме меня так никто не сможет, да и я бы не стала. Это не наши умелицы.

Бабка взяла в руки стакан с водой и поднесла к лицу Юлии:

– Вон, гляди, все свернулось как вареное. Свеча трещит. Вижу я, вижу бабку старую, вижу, волос твой в яйцо кладёт, а потом на могилу несет да закапывает с наговорами.

Юлия с ужасом глядела на бабку. Боль, мучавшая её, становилась все сильнее, хотя, казалось, и так был уже предел.

– Сделайте что-нибудь!

– Малец твой заплатил мне щедро, уж я расстараюсь. Только помочь я могу лишь на этот раз, – такую порчу одним днем не снимешь. Придется тебе с этим жить. А хочешь, мы этой мзее тоже в ответ, что-нибудь сделаем...

– Не надо, помогите, просто помогите!

Бабка вытащила из кошелки еще одно яйцо и стала катать его по животу Юлии, бормоча молитвы и заклинания. Так прошло около часа. Боль стала другой не менее сильной, но совершенно по-другому ощущалась. Бабка бормотала все быстрее и быстрее, затем вскочила, спрятала яйцо в сумку и закричала:

– Вставай!

Юлия попыталась приподняться, но не смогла, бабка подошла к ней и рванула её за руку:

– Сдохнешь, если не сделаешь, как я скажу! Вставай!

Юлия, опираясь на её руку, сползла с постели. Бабка наклонилась прямо к её уху и прошипела.

– Если ляжешь опять – помрешь. Вставай, бери кровать и тащи её в другой конец комнаты. Как дотащишь до угла, так и разродишься. Ну! Давай! Бери! Жить хочешь!? Делай, как я велю!

Колька с Микитичной из-за двери наблюдали сцену, от которой волосы вставали дыбом на голове. Худая, измученная женщина с огромным животом поднялась, ухватила за железные стойки тяжелой металлической кровати и рванула их на себя.

Откуда брались силы – Юлия не понимала. Она почему-то поверила этой страшной бабке и знала только одно – ей очень хотелось жить, ей очень хотелось спасти своего ребенка и спастись самой, и больше всего этого хотелось, наконец, чтобы боль прекратилась. Тяжеленная кровать сантиметр за сантиметром поддавалась. Боль в животе перерастала во что-то новое, Юлия чувствовала – то, что она делает, действительно помогает ей и с упорством обреченного продолжала тянуть кровать на себя. Бабка вышла из комнаты:

– Я все сделала, если она поступит, как я сказала – сейчас же освободится, а мне надо освободиться от этого. – Она потрясла кошелкой, в которую спрятала яйцо, перед носом у Кольки и прошмыгнула к выходу. Микитична вошла в палату. Юлия продолжала тащить кровать. Через полчаса она дотащила её до угла и с торжеством посмотрела на сиделку:

– Ребенок, он сейчас родится! Я чувствую!

Микитична бросилась к доктору. Через минуту оба были в палате. Юлия сидела на краю постели не в силах больше держаться на ногах. Доктор, осмотрев её, недоуменно почесал затылок:

– Действительно, началось! Микитична! Готовь снадобье, дашь ей выпить, как я скажу. Давайте, Юлия Григорьевна, старайтесь, ребенок уже идет.

Она старалась изо всех сил. Ради ребенка, ради себя, ради Миши. Ощущение чего-то распирающего изнутри, разрывающего её на куски и выходящего из неё вызывало ужас и радость одновременно. Сейчас она увидит своего ребенка. Доктор повернулся к Микитичне и коротко и тихо бросил:

– Я принял. Давай!

Юлия даже не поняла, как залпом выпила лекарство, она просто провалилась в мягкое розовое облако, сквозь которое чувствовала, как кто-то взял её на руки и понес куда-то. Она бредила, и ей снова виделся он:

– Андрей. Ты пришел за мной. Наконец– то.

– Андрей! Ты пришел, ну наконец– то!

Сердце забилось, как в самый первый раз, и знакомый холодок в животе не преминул о себе напомнить. Юлия стремглав бросилась к нему на шею, Он поднял её на руки, закружил, и поцеловал прямо в губы.

– Ты еще не передумала идти со мной в оперетту?

– Нет, даже не надейся, я уже готова. А что с нами еще кто-то?

– Серж напросился. Я не мог ему отказать, – Андрей наклонился и шепнул ей на ухо, – Ты знаешь, мне кажется, он в тебя тайно влюблен. Если бы я не был так уверен в твоих чувствах, я бы даже ревновал.

Юлия вышла к карете, в которой уже сидела разодетая как барыня нянька Марья, которая по указанию папеньки, как оруженосец, везде следовала за барышней, куда бы та ни пошла. Условности были соблюдены. Возле кареты стоял высокий, коренастый юноша, светловолосый, голубоглазый, с обезоруживающей добродушной улыбкой на лице.

– Юленька, вы прекрасны, как всегда! Андре! Ты – счастливчик!

– Не завидуй, Серж, если бы ты знал, как капризно бывает это сокровище.

– А вот я бы с радостью исполнял все её капризы. Она – ангел!

– О, нет, Серж, я боюсь избаловать свою будущую супругу. – Андрей весело подмигнул Юлии, слегка склонив голову на бок.

Как она любила этот его жест!

– Её нельзя избаловать. Ей можно только поклоняться. Серж подошел и добавил с поклоном:

– Если этот тиран и деспот Вам наскучит, умоляю, обратите внимание на Вашего покорного слугу. Я буду сдувать с Вас пылинки!

– Серж, чтобы вас утешить я готова подарить вам поцелуй! – Юлия, кокетливо улыбаясь, подошла к Сержу и, встав на цыпочки, поцеловала его в лоб. Серж закружил её в объятиях и усадил в карету.

– Я готов похитить вас, королева. Похитить и увезти на край света!

Глаза у няньки Марьи вылезли из орбит от вольностей, которые позволяла себе молодежь. Она недовольно кашлянула.

– Еще одно слово, и я вызову тебя на дуэль, хоть ты и мой ближайший товарищ. – Андрей шутливо пригрозил другу. – А вы, коварная кокетка, не смейте никогда и никого целовать, кроме меня.

Экипаж ехал по широкой мостовой. Театр был совсем недалеко. Весь путь Серж не сводил с Юлии глаз. Она смущенно отвернулась и разглядывала проплывающий осенний пейзаж – как быстро закончилась весна, а за ней и лето, и первые осенние месяцы. Все это время практически каждый день она виделась с Андреем, они болтали обо всем, им было хорошо друг с другом. Даже просто молчать, глядя в глаза друг другу было радостью. Недолгая размолвка, подстроенная явно недоброжелателями, не смогла их разлучить. Он сделал ей предложение. Она его невеста, и их родители на седьмом небе от счастья! Она так любит его! Так любит, что никак не может привыкнуть и встречать его со спокойным сердцем.

Каждый раз при виде его, когда он появляется на её пороге, сердце падает куда – то вниз, мурашки по коже, холодок в животе, душа трепещет и не может успокоиться долго. Это не страх, но это так необычно. Она обожает его всего в целом и каждую мелочь в нем в отдельности. Обожает завитки его русых волос, прищур его светлых глаз, улыбку. Она знает наизусть его аристократические манеры, утонченность характера. Она сходит с ума от его прямодушия, непримиримости и упрямства, зато так красиво, как он, никто и никогда не ухаживал.

А сегодня маменька оставила её хозяйничать совсем одну, если не считать няньку Марью, доживавшую в старости свой век в их особняке и, не смотря на свои годы, помогавшую по

хозяйству. Маменька в Отрадной, и можно пригласить его в сад и просидеть в беседке до полуночи! Никто не будет ругать, и читать нотации.

Театр был полон – премьера новой оперетты обещала быть грандиозной. Юлия, в сопровождении Андрея и Сержа, шла по фойе, раскланиваясь со знакомыми. Нянька Марья семенила сзади. В конце пролета показалась Натали, в сопровождении подруги и отца – начальника полицейского управления. Натали была бледна и заметно похудела, но была все так же красива и по-прежнему надменна.

– Андрей! Серж! – Словно не замечая её, Натали обратилась к обоим кавалерам. – Как давно вас не было видно в свете. Андрей! Ты стал буквой! Говоришь сквозь зубы, и больше мне не улыбаешься! – внезапно повернувшись к Юлии, она прожгла ее взглядом, полным ненависти, а затем, словно ни в чем не бывало, глядя на Андрея, обронила – друг мой, я украду твою невесту на парочку минут, женские секреты... – она взяла Юлию под руку и повлекла к балкону. Юлия обескуражено, словно загипнотизированная пошла за ней:

– Я не понимаю... какие дела...

– Я не буду кривить душой и скажу тебе все прямо, – сощуриив глаза, Натали глядела, пронизывая Юлию взглядом, – я этого человека любила с детства. Он выделял меня среди других, я ему нравилась, у меня были планы... потом появилась ты, и он совсем потерял голову. Ты чужая ему, он тебя почти совсем не знает, ты не можешь ему нравиться, ты его приворожила, признайся!

– Что?! Приворожила?! Какая глупость!

– Ну, глупость или нет, это мы еще проверим. Я хочу предупредить тебя по-хорошему. Ты должна отказать от него. Ему будет тяжело, а я его утешу.

Юлия не очень хорошо знала Натали – они почти не общались, при встречах лишь холодно приветствуя друг друга кивком головы. За внешней красотой, хрупкостью и аристократическими манерами, по словам окружающих, была спесь и расчетливость. Натали была дико ревнивой – умудрялась даже подруг перессорить между собой, только бы те предпочитали ее обществу обществу друг друга. Сплетни и интриги были ее стихией. Как и ее отец, за которым закрепилась дурная слава жестокосердного и подлого человека, Натали не отличалась душевностью и мягкостью. Казалось, она из металла – такая же утонченная и такая же холодная. И у нее не было слабых мест. Вернее, почти не было. Ахиллесовой пятой стала любовь к Андрею. Она рвала на себе волосы от бессилия – он был не с ней. Она не могла смириться. Объект ее ненависти, ее соперница растеряно смотрела сейчас на нее. Если бы она могла – стерла бы ее в порошок.

Юлия спокойно и медленно произнесла:

– Я никогда, слышишь, никогда не откажусь от него.

– А я никого и ничего не пожалею, чтобы сделать все, для того, чтобы он тебе не достался. Я буду бороться до последнего вздоха, до последнего удара сердца! Если ты не оставишь его, я добьюсь того, что жива не останешься.

– Я тебя не боюсь, и за жизнь свою переживаю меньше всего, так, что иди гимназисток пугай. – Юлия презрительно развернулась и пошла назад в фойе. Натали крикнула вслед:

– Зато, за его жизнь, как я понимаю, переживаешь.

Юлия остановилась и ошарашено развернулась:

– Да ты в своем уме? Ты здорова?

– Да! Да! Не сомневайся! Я не остановлюсь. Даю тебе неделю, потом ты сама убедишься. Если через неделю не решишь – пеняй на себя. Он не будет моим, допустим, но и тебе он не достанется. Увидишь.

Едва сдерживая подступавшие слезы, Юлия вышла в фойе.

– О чем вы там щебетали? – Андрей посмотрел ей в глаза и практически сразу понял, что разговор был не из приятных.

– Так, милая, расскажи мне все!

– Зачем, Андрей, ты же не будешь решать глупые женские споры.

– Да на тебе лица нет! Ничего себе глупые женские споры. Немедленно рассказывай!

– Третий звонок, пойдём, милый, пора занимать место в ложе.

– Мы ещё вернемся к этому разговору.

Театральное представление закончилось, и карета везла их к дому. Серж остался кутить с актрисами, отмечая премьеру, нянька Марья дремала, склонив голову к плечу, и наедине с Андреем, Юлия не могла больше молчать и слово в слово повторила угрозы Натали. Он вздохнул, видимо не зная, как утешить Юлию. Потом наклонился и поцеловал её нежно и бережно,

– Я не позволю никому разрушить наши отношения. Как не вовремя я должен сейчас оставить тебя. Дела в поместье, а отец кроме меня не может никому их поручить. Это надолго – месяца на три, не меньше. Но может это к лучшему! За это время мы все подготовим к свадьбе, а Натали, я думаю, успокоится. Боже, я не знал, что вызываю у неё такие чувства. Мы ведь просто дружили!

Карета остановилась перед особняком Деменевых. Проснувшаяся нянька Марья засеменила к дому. Сделав вид, что прощается Юлия шепнула на ухо Андрею.

– Я хотела тебя пригласить посидеть у нас в саду. Последние теплые осенние деньки. И ночь такая звездная.

– А маменька! Что она скажет?!

– Маменька в Отрадной, папенька, сам знаешь, уехал на завод. В доме только прислуга, да нянька Марья. Но она уснет через час. Я сразу к тебе выйду.... Я просто не хочу с тобой так скоро расставаться. Ты ведь завтра уезжаешь!

– Тогда позови меня к себе в гости! Обещаю, что буду вести себя хорошо, ну как смогу, конечно. Андрей смотрел на неё и не мог отвести глаз. Огорченная, расстроенная, как воробышек на осенней мостовой, она была такой маленькой и беззащитной, и одновременно такой красивой. Хотелось спасти её, укрыть от всего мира.

Юлия кивнула:

– Обещай меня дождаться...

– Если надо – я буду стоять под твоими окнами до самого утра...

Спустя час, хрупкая фигурка, завернутая в теплый длинный плед, выпорхнула из задней калитки, и, взяв его за руку, потянула за собой:

– Пойдем.

Они тихонько вошли в дом и проскользнули в комнату к Юлии. Темноту освещал только тусклый свет свечи. Несколько минут они стояли, молча глядя друг на друга. Оба понимали, что неизбежно должно произойти сейчас. Оба понимали, что то, что они делают – невыносимо и необратимо. Если об этом станет известно будет грандиозный скандал. Эта ночь была особенной, ни запреты, ни условности не могли больше сдерживать нахлынувших чувств. Андрей подошел к ней, обнял её и поцеловал. Юлия таяла в его руках. Секунда, и ключ в двери повернут, а свеча погасла. Он шептал ей на ухо слова любви, одежда была уже на полу и крепкие руки обнимали ее, а губы горячо целовали. Не было ничего лучше этих поцелуев.

– Мой единственный! Я люблю тебя!

– Любимая, ты моя любимая, ты жена моя!

Слова сливались с поцелуями и терялись в складках простыней. Звездная ночь окутала двоих своими крыльями и несла их в рассвет, который уже брезжил и сулил разлуку. Андрей разглядывал Юлию, заснувшую под утро, раскрасневшуюся от поцелуев и ласк. Пора было

уходить. Он оставил перед подушкой обшитую сафьяном коробочку, приоткрыл её. Обручальное кольцо блеснуло в лучах утреннего рассвета.

– Юленька, – он шептал ей на ухо, и сквозь сон она улыбалась ему, – ты теперь жена моя, слышишь, остальное формальности, ты теперь жена моя, помни об этом и дождись меня. Мне пора, Юленька, я должен ехать. Вот соня! Юля! Сейчас проснутся слуги. Просыпайся! Юленька...

–Юленька, просыпайся, Юленька!

Лицо Андрея вдруг расплылось в розовом тумане и превратилось в лицо отца, склонившегося над ней. Боли больше не было. Пришло осознание, что она теперь мама. У неё есть ребенок. Она была счастлива.

– Юленька! Как я рад, что ты у меня жива и здорова осталась, спасибо доктору!

–Папенька! Как хорошо, что ты пришел! Позови кого-нибудь, вели, пусть принесут ребенка. Так хочу его увидеть! – счастливое с безмятежной улыбкой лицо Юлии не давало Деменеву даже шанса на горькую правду. Но врать тоже было нельзя. Собравшись с духом, он разом выпалил:

–Малышка умерла.

Юлия словно окаменела. С застывшим лицом она легла на подушку и уперлась глазами в потолок. Ни дальнейшие попытки её разговорить, ни просьбы, ни мольбы откликнуться не вызвали ответной реакции. Заломив шапку, скрепя сердце Деменев вышел за дверь. Через несколько минут он вернулся вместе с доктором. Осмотрев Юлию, тот вздохнул и коротко кивнул.

– Время! Всё вылечит время. Я пропишу вам лекарство, но вы должны понимать, что боль физическая сменилась болью душевной. Это хорошо, что вы сказали ей правду. Обман бессмыслен. Но такова расплата. Для неё сейчас весь мир рухнул. Сколько времени она так проведет, я вам сказать не могу, но вам надо срочно перевезти её домой. Родные стены помогают. Через пару дней вы сможете забрать её.

–Спасибо, Лука Лукич, уж я вам так благодарен. – Оба вышли из палаты и направились к кабинету доктора. Спустя какое-то время дверь скрипнула, и вошел, озираясь словно вор, Колька.

– Барыня. – Он дотронулся до руки Юлии. Та, никак не реагируя, продолжала смотреть в потолок. – Барыня, как хорошо, что все закончилось... и вам больше не больно. У меня сердце кровью обливалось, когда вы страдали. Вы меня слышите, барыня. – Юлия по-прежнему не реагировала, – Барыня, очнитесь, ну не вынесу я, если что с вами случится, ну пожалуйста, я так вас люблю...

Скрип двери заставил Кольку обернуться. Микитична стояла, покачивая неодобрительно головой:

– Ты не говори ей сейчас этого! Ей и без того худо, а тут твои признанья. И выбрось это из головы своей глупой. Тебе и восемнадцати нет, а ей поди лет двадцать пять, да и барыня она, а ты... Эх... Туда же!

Колька заморгал, вытер рукавом сбежавшую слезу и вышел из палаты.

Спустя неделю, Юлия, Деменев и Колька ехали в Екатеринодар. Деменев решил не возвращаться пока на завод, а передать дела управляющему. Он не смог оставить дочь одну в таком состоянии, а Кольку взял с собой на юг, и теперь взгляду мальчишки представляли новые земли и невиданные дали, которые были для него настоящим чудом.

Мужа Юлии искали две снаряжённые поисковые группы, состоявшие из мужиков окрестных деревень, они добросовестно прочесывали лес вдоль и поперек целую неделю, останки Михаила были найдены с великим трудом, с почестями после молебна тело его было отправлено его родителям в Тюмень. Следователь записал смерть от несчастного случая, вследствие нападения волков. Четверо провожатых, нанятых за большие деньги, записались доставить до места скорбный груз. Сказать об этом дочери сейчас было нельзя. Всё это угнетало Деменева, но хуже всего было видеть безучастное окаменевшее лицо Юлии, которая позволяла одевать себя и причесывать, послушно ела, когда её кормили с ложки, и не говорила ни слова, равнодушно наблюдая проносящиеся мимо пейзажи, и по-прежнему не реагируя на обращения к себе, как, впрочем, и на всё происходящее.

Деменев надеялся, что дома что-нибудь заставит оттаять это маленькое разбитое сердечко, и хохотушка, озорница Юленька вновь вернется.

Зимний Екатеринодар встречал их ласковым, теплым, не по-зимнему, ветерком. Они ехали мимо парка, вокруг носились мальчишки – продавцы газет, на центральной площади расположились торговки семечками и баранками. Деменев усадил дочь в нанятом экипаже поудобней.

– Эх, Юленька моя, Юленька, а я ведь даже и не знаю, что сказать-то тебе, чтоб хоть немного полегчало. Самому поганю.

Они тронулась, и за окном замелькали узкие улочки с красивыми двух– и трехэтажными домами.

– Ну, ничего, ничего, милая, сейчас домой вернемся. Маменька тебя быстро на ноги поставит. Ты потерпи, потерпи моя детка, душа – она тоже со временем заживает. Вот придет весна и все оживет. И ты тоже оживешь.

Карета подъехала к дому Деменевых. Прислуга высыпала на порог. Любопытные служанки из соседнего, генерал-лейтенантского особняка, подглядывали сквозь ограду, увитую вечнозеленым плющом, который в связи с зимним временем, хоть и был покрыт листьями, но настолько редкими, что разглядеть, как следует, можно было все что угодно.

Деменев внес Юлию в дом и отдал распоряжение пристроить Кольку. Следующие несколько часов маменька, отец и прислуга пытались расшевелить её, как-то порадовать и всячески ей угодить. Все было тщетно. Вечером нянька Марья, как в детстве, уложила её в кровать, и сама уселась рядом в кресло.

– Буду с тобой тут всю ночь куковать, соскучилась по тебе, моя птичка, по голоску твоему, по смеху, с тех пор как ты сбежала тогда – здесь было словно в склепе. Тихо, холодно. Матушка твоя с отцом все в поместье, в Отрадной, а я тут одна...

Юлия слушала негромкое бормотание няньки, и смысл этих слов потихоньку проникал в её сознание. Она была дома, в своей кровати, ужас последних дней был позади. Она почувствовала себя в безопасности, и ей стало хорошо и легко как в детстве. Впервые за последние две недели, она заснула настоящим, крепким естественным сном, не вызванным ни лекарствами, ни муками усталости и боли.

Сон рисовал знакомые картины: особняк Истоминых, освещенный огнями, бальная зала, заполненная гостями, светло-розовое платье, сшитое по последней моде из самого дорого шелка. Она глядится в зеркало, платье так идет ей. Андрей должен приехать с минуты на минуту. Она так ждала его, каждый день отправляя по два-три письма, вот, правда, ответа не получала ни разу, ну да ничего, она уж сделает ему разнос. Только бы он не опоздал. Он увидит

её и не сможет устоять. Их ночь перед его отъездом была так свежа в памяти. Вдруг под локоть её взяла чья-то рука.

– Юлия Григорьевна, у меня к вам разговор.

Юлия обернулась. Отец Натали, мило улыбаясь, приглашал её пройти с ним. Не понимая, зачем она это делает, словно под заклятием, Юлия шла за ним из комнаты в комнату. Перед кладовым помещением отец Натали остановился.

– Юлия Григорьевна. Я ничего не имею лично против вас, но ситуация складывается таким образом, что моя дочь на грани жизни и смерти.

– Я не понимаю, но причём здесь я...

– Погодите, выслушайте меня до конца. Моя дочь – это все, что у меня есть. Ради её счастья я не пожалею ни сил, ни здоровья, ни денег. Она угнетена и бесконечно страдает. Мы буквально вытащили её из петли. Она с детства без памяти любит Андрея Истомина. Сегодня ваши родители должны объявить о вашей помолвке. Этого не должно произойти...

– Довольно я вас слушала. Я понимаю отчаянье влюбленной девушки, но от вас, взрослого умного человека я не ждала таких вещей. Мой ответ «Нет».

– Вы не дослушали меня до конца. Натали уверила меня, что своею жизнью вы не дорожите, да и воевать с вашим папенькой у меня средств не достанет. Вот только, захотите ли вы своего счастья такой ценою? – он распахнул дверь кладовой. В нижнем ящике старого шкафа лежала пачка листовок. Он вытянул верхнюю и протянул Юлии. Она читала, и вся безысходность сложившейся ситуации мертвыми клещами сковывала ей сердце. Листовка, содержащая текст, призывающий к свержению монархии, была подписана Андреем Истоминым, сыном генерал-лейтенанта. Отец Натали выдержал паузу и многозначительно кивнул:

– Как вы понимаете – это только демонстрационный материал. В доме Истоминых служат доверенные мне люди. Таких упаковок в разных местах их особняка еще почитай десятков найдется. Даже обыск по всему дому не поможет их обнаружить, но... если мне это будет нужно, вы же понимаете последствия...

– Какая подлость! Как вы можете...

– Поверьте, когда у вас будет своё дитя, вы тоже будете способны на все ради него. В доме полно полиции. Следить за вами будут неотступно. Если попытаетесь как-то изменить ситуацию – в доме тут же будет обнаружено некоторое количество таких листовок, и прямо с праздника Истомин отправится в тюрьму. Его отец потеряет свою должность. Вы знаете, что у нас бывает с государевыми преступниками. В общем, выбор за вами, а, чтобы вам его облегчить – вот вам якобы ваш новый кавалер:

– Входите, любезный!

В комнату из-за двери вошел Серж. Юлия задохнулась от возмущения.

– И ты в этом фарсе! Ты же его лучший друг! Как ты можешь?!

– Более того, – продолжал отец Натали, – без помощи этого молодого человека мне вряд – ли удалось бы поместить листовки по всему дому.

– Простите Юлия Григорьевна, я попал в очень неприятную ситуацию и целиком и полностью завишу от того...

– От меня он зависит целиком и полностью. – Отец Натали стал серьезен. – К делу. Сейчас Вы, Юлия Григорьевна, подойдете к своему батюшке и попросите отложить объявление помолвки. Ничего не объясняйте. Затем вы подойдете к младшему Истомину и скажете, что более не любите его и должны расстаться. Вы скажете, что во время его отъезда у вас получился роман с Сержем. Далее, – он повернулся к Сержу, – вы вступаете в игру и делаете, как мы договорились. Со своей стороны, я могу вам обещать, что при положительном исходе ситуации, я забуду и про листовки, и про ваши, Серж, грехи. У полиции не будет претензий ни к вам, ни к Истоминим.

Юлия выдохнула:

–Вы подлец! Бог вас накажет!

–Вы еще так юны, так прекрасны. Вы не можете понять горе отца, у которого на сердце рубец от веревки, которая стягивала шею его единственного ребенка. Я ради неё пойду на всё. Если она будет страдать, то я не пощажу Истоминых, более того, я даю вам слово, я сделаю все, чтобы Истомин младший в тюрьме не дождался каторги. Ваше решение, Юлия?!

–Вы не оставили мне выбора.

Она развернулась и выбежала из комнаты. Сердце разрывалось от боли и обиды. Как несправедливо! Почему она тогда не прислушалась к угрозам Натали, будь она внимательней – наверняка бы смогла что-нибудь предпринять, в конце концов, обвенчалась бы с Андреем раньше... Да мало ли чего можно было сделать. А теперь! Ее взгляду рисовались картины тюремной жизни, незаслуженные страдания Андрея. Её родного, любимого, ни в чем не повинного Андрея. Она была загнана в угол и не знала, как из него выбраться. По пятам шел Серж. Внезапно из-за угла вышел пожилой господин и направился вслед за ними. Ну вот, – шпик.

Бальная зала манила яркими огнями и шумом. Юлия влетела в неё, как ошпаренная и бросилась к отцу. Обернувшись, она увидела, как Серж переговаривался о чем-то с пожилым господином. Оба глядели на нее. Она слегка кивнула и сказала отцу, беседовавшему с Истоминим старшим:

–Это срочно! Папенька! Нам очень нужно отложить объявление о помолвке! Я обещаю, что расскажу тебе все дома.

Слезы наворачивались на глаза против её воли, голос дрожал. Она не могла вынести их изумленных взглядов и выбежала из зала. Опрометью кинувшись вниз по лестнице, она мечтала только об одном – не встретиться сейчас с Андреем. Слава богу, лестница пуста, вот уже и выход. Только бы не встретить его! Только не сейчас. Завтра, может быть послезавтра, она что-нибудь придумает, найдет выход, расскажет отцу, они вместе что-нибудь придумают.

– Куда-то торопитесь, барышня.

Пожилый господин, словно вырос, прямо перед ней.

– Вы выполнили только половину своей задачи, а сейчас...

–Юленька! – раздавшийся сверху голос словно подкосил её. Она едва не рухнула со ступенек. Пожилой господин подхватил её под руку. Юлия обернулась. Андрей и Серж стояли наверху. Андрей улыбался ей светло и искренне.

–Юленька, душа моя! Куда же ты?! Как я соскучился! Могла бы и написать мне! Иди же скорей сюда.

Тридцать ступеней, покрытых ковром, отделяли её от конца всего, о чем мечталось. Тридцать огромных, непреодолимых ступеней. Андрей, такой красивый, и такой желанный, такой нежный и любящий, сейчас услышит от неё этот бред. Поднимаясь, словно на плаху она видела, как улыбка на его лице сменялась тревогой и непониманием. Она вспоминала его ласки, его поцелуи, ту ночь, ту единственную ночь, которую они провели вместе. Ступени неминуемо кончались. Юлия на ватных ногах подошла к Андрею. Выхода не было. Но, хотя бы один последний, прощальный поцелуй она заслужила. Она подошла к нему вплотную и коснулась губами его губ. Нежно и трепетно она поцеловала его, и он ответил ей со всей страстью, на

которую был способен. Казалось время не властно над ними. Она обнимала его и чувствовала биение его сердца. В последний раз в жизни. Она должна отдать его другой, зато он будет жить! Эта мысль пульсировала болью в её голове.

– Юленька моя!

Раздалось покашливание пожилого господина. Юлия отошла от Андрея.

– Андрей, прости родной, мы больше никогда не будем вместе...

– Что за глупости, ты обиделась на что-то...

– Я должна... я вынуждена быть с другим, прости... – она кивнула на Сержу, едва сдерживая слезы, – он тебе все объяснит.

– Юля! Юля!

Юлия кинулась вниз по ступеням. Андрей беспомощно – растерянно смотрел ей вслед, затем обернулся к Сержу. Тот закивал:

– Пойдем дружище, эх, Андрэ, говорил я тебе, это не женщина – богиня, потому и капризная, я тебе сейчас все объясню, ты не будешь злиться на старого друга, ну право, я не виноват, что все женщины рано или поздно влюбляются в меня.

Юлия бежала к дому плача навзрыд. Навстречу вышел отец Натали.

– Полагаю, что все кончено. Ну не горюйте вы! Вы, в отличие от моей дочери – борец, вы сможете выстоять. Я еще раз обещаю вам, что, если вы будете вести себя благоразумно, Истомину ничего не угрожает. Но я напоминаю вам: то, что вы видели в кладовой – не единственный экземпляр, для подстраховки в доме всегда будет пачка-другая. Не делайте глупостей! Да, вот – он протянул ей пачку писем – это ваши письма к Истомину, их перехватывали на почте до моего особого распоряжения. Теперь ваша переписка вновь открыта, я завтра же велю снять пост.

– Будьте вы прокляты! – у неё началась истерика, она кричала и плакала одновременно.

– Будьте вы прокляты!!!

Отец Натали предпочел ретироваться, скрывшись в темноте. Лакеи, стоявшие у дома, с любопытством наблюдали за происходящим.

Юлия подошла к порогу дома и прямо в своем розовом бальном платье рухнула на ступеньки. Локонь выбились из прически. Она не могла остановить слез, сидя на ступеньках, она словно волчица на луну завывала и закричала одновременно:

– Андрееей!

– Андрееей! – Юлия кричала во сне.

– Ну вот, заголосила, голубка моя! – нянька Марья держала её за руку и гладила по голове. Юлия очнулась от сна и села в постели. Сон был единственной возможностью увидеть Андрея, дотронуться до него, пережить то неповторимое чувство любви, боли, избытка прежних чувств.

– Ты так кричала, детка моя! – няня поправила ей подушку

– Я каждую ночь кричу.

– Зовешь его, тоскуешь, не забыла еще, значит. Это ты и с мужем по ночам так кричала?

– Кричала, нянюшка, кричала. Он привык. Он знал все, у меня от него секретов не было.

– Ох... беда, беда. Бедный Михаил. Какая судьба...

А Андрей – то твой неладно с женой живет. Ох, как неладно. Ссорятся часто. Он все больше в поместье, она с дитем здесь, а как приезжает – так крик да скандал. Она уж больно ревнивая. Дитя жалко. Страдает мальчонка. Если бы не дед с бабкой – и вовсе приголубить не

кому было бы. Андрей-то в нем души не чает, и забрал бы с собой в поместье, да Наталья не позволяет. Любит она мужа без памяти, да только характера сдержанность не может.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Да чтоб ты знала: не одной тебе страдать приходится. Ему тоже не сладко.

– Его никто не заставлял жениться...

– Ох, да куда ж ему деваться было... Может, кто после свадьбы и поверил, что Наталья восьмимесячного родила. По грешному делу и женился. Ну, да разболтались мы с тобой. Ты спи, спи, детка: раненько завтра встанем, пойдем на рынок пройдемся. Походишь по городу, подышишь воздухом. Зимний воздух на юге совсем другой, не такой как у нас на севере. Ты спи...

Сон опять рисовал картины прошлого.

Закусив губу, Юлия смотрела сквозь занавески на разгульную кубанскую свадьбу. Ясным вечером, во дворе генерал-лейтенантского особняка раскинулось гулянье. С размахом и пафосом Истомина женил своего сына. Приглашенный кубанский хор расположился во дворе полукругом и развлекал гостей на улице. В самом особняке, в сопровождении оркестра, должны были петь приглашенные из Москвы и Петербурга артисты. Прибыл эскорт из двенадцати экипажей. Из белой, украшенной цветами и лентами кареты вышел Андрей и, подав руку, вывел Наталью. Роскошное белое платье и свадебная фата подчеркивали её природную красоту. Счастливые сияние её глаз было заметно даже издали. Андрей был сдержан и серьезен. Нянька Марья пересказала в точности, со слов генерал-лейтенантской прислуги, кто и во что был одет, и чем будут потчевать гостей, а заодно о том, что молодые на две недели поедут к морю. Сердце Юлии разрывалось на части. Было так больно, что, казалось, каждый следующий вдох был последним. Это же надо, он не стал искать с ней встречи, он не пытался объясниться все эти месяцы, он женился, не прошло и полгода.

Серж обивал её порог ежедневно, стараясь хоть как-то загладить свою вину. Он рассказал, как карточные долги ввели его в кабалу к отцу Натальи. Как ему пришлось врать Андрею о своем с Юлией романе. Рассказал о драке с Андреем, произошедшей сразу после того пресловутого проклятого вечера. О том, что многолетняя дружба с ним была разорвана раз и навсегда. Он пытался её утешить, предлагал руку и сердце, был отвергнут и... пропал. Его искали безуспешно около месяца. За день до своего исчезновения он прислал ей записку о том, что любил, любит, и всегда будет любить её. Что с самого первого дня их знакомства он отдал ей свое сердце. Что не мыслит более своей жизни без неё. Она читала эти строчки и злилась на себя и на него. Зачем он в неё влюбился! Такое впечатление, что любящие её люди просто обречены на несчастье. Проклятье северной знахарки или просто совпадение? Где теперь красавец Серж...

В сгустившихся сумерках, во дворе особняка Истоминых зажглись цветные огоньки иллюминации. хор, распевавший казачьи песни, голосивший последние часы, сменили цыгане, которые так зажигательно стали петь и танцевать, что толпа гостей, проигнорировав обязательный в таких случаях котильон, просто высыпала во двор. Вышли и молодые, и как только они присели на специально отведенную для них среди гостей скамеечку, небо заполыхало фейерверком. Грохот этой канонады окончательно вывел Юлию из равновесия. В голове был сумбур. Сердце рвалось от ревности. Она не думала ни о том, что может с ней случиться, ни о том, что может стать с маленькой, когда она узнает, что наделала ее дочь. Черкнув короткую записку, она велела запрягать карету, и кинулась собирать чемодан с вещами.

Еще через полчаса она ехала в ночь, оглядывая улицы, так полюбившиеся ей, и мысленно с ними прощаясь. Назад, домой, к папеньке. К снежным узорам на окнах и деревянным теремам

далекого севера. Больше никакой любви, никаких мужчин и никаких несчастий. Она сильная, она выдержит. А он... что ж, пусть он будет счастлив!

Скрип половиц заставил её открыть глаза. Нянька Марья уснула в кресле, а к ней на цыпочках подкралась взъерошенная, худощавая тень. Юлия вскрикнула и села в кровати. В предрассветных сумерках на неё с печалью смотрел Колька.

– Что случилось? – Юлия недоумевала.

– Вы очнулись, очнулись, барыня, Юлия Григорьевна, я слышал, что вы кричали ночью, но не поверил своим ушам. Правильно, значит, доктор говорил – родные стены вылечат.

– Да какие ж они родные, я ведь здесь и года не жила, мне родней нашего дома на севере ничего нет.

– Ну вы же не захотите туда вернуться, верно, после того что...

– Нет, Колька, нет. Все, – с севером покончено. Дома уже нет. А дело своё отец продаст в ближайшее время. Больше меня там ничего не держит. Моё место теперь здесь.

–Юлия Григорьевна, я здесь, в людской, за стенкой, вы меня кликните, ежели что будет нужно, я для вас все что хотите... я за вас...слава Богу что все закончилось...я думал не выдержу ваших страданий.

–Я знаю, знаю. – Юлия погладила его по голове, – я все знаю, я все тогда слышала. Я тебе очень благодарна, ты мне жизнь спас, себя не жалел.

Колька... Я тебя очень прошу, – она приподняла его подбородок и посмотрела ему прямо в глаза, – не люби меня, Колька, слышишь, не люби, ты очень хороший и все у тебя будет хорошо, но любить меня не смей, слышишь?!

Он кивнул головой, прижался губами к её руке и выбежал из спальни. Нянька Марья подняла голову.

– Кто там?

– Никого, приснилось тебе.

Первые лучи рассвета несли с собой надежду. Она увидит Андрея, обязательно увидит, и непременно все ему расскажет. Теперь, когда прошло уже столько лет, она, по крайней мере, сможет оправдаться и раскроет Андрею глаза на его тестя. У нее больше нет мужа, у нее больше нет ребенка, нет ничего, ради чего она жила все эти годы. Но у нее еще есть ее воспоминания. И есть Андрей. Надо жить, надо быть сильной. Ради него...

Несмотря на пронизывающий ветер и холод на улице, в кабинете начальника тюремного госпиталя было душновато и даже жарко. Из кабинета на улицу, в окно, на дождь, сменяющийся снежной крупой, устало глядел мужчина в белой рубашке, с закатанными по локоть рукавами. На вид ему было лет тридцать пять, высок, широкоплеч, атлетически сложен. Темноволосый, с правильными чертами лица и необыкновенными, очень добрыми карими глазами, с немного детским взглядом, – он создавал впечатление сильного, уверенного, но очень уставшего человека. Вторые сутки без сна давались с большим трудом. Нынешняя зима для госпиталя выдалась особенно тяжелой. От чахотки умерло около ста заключенных и сейчас все камеры тюремного госпиталя были переполнены страдающими открытой формой этой страшной болезни несчастными. Тюремная обслуга не успевала делать гробы и хоронить умерших. Нужно было срочно предпринимать меры, лечить, проводить дезинфекцию, но для этого нужны были средства, огромные средства, которых у госпиталя, как собственно и у любого другого государственного учреждения не было.

Дверь кабинета распахнулась, в него ворвался пожилой мужчина.

– Едем, Илья Иванович, едем. Он приехал! Деменев! Он недолго будет в городе, потом уедет обратно, на север. Слух идет, что он дело продает. Не известно куда потом подадутся всем семейством. Время дорого. Без тебя я сам не объясню, что нужно для госпиталя.

– Да бог с тобой, Василий Семенович, да неужто дождались! Почитай неделю трупы выносим. Сыворотка, лекарства, мыло, карболка – все закончилось, кормежка хуже некуда, Бог видно услышал наши молитвы. Постой, – он внезапно остановился и взял пожилого за рукав, – а ты уверен, что он даст денег.

– Даст, Илья, даст. Мы с ним соседи по имению. Не будь я начальник тюрьмы – точно даст, я тебе голову даю на отсечение.

Во дворе тюрьмы стоял запряженный экипаж. Накинув шинели, оба сели в него, и Илья крикнул извозчику:

– Давай в особняк к Деменеву!

– Слушаюсь, барин! – кучер хлестнул лошадь, высокие тюремные ворота раскрылись, и экипаж выехал в промозглое зимнее городское утро.

Григорий Деменев сидел в столовой с утренней газетой и чашкой кофе по-турецки. Маменька хлопотала, накрывая на стол к завтраку. У обоих вытянулись лица, когда они увидели Юлию, которая, как будто ничего и не было с нею, просто причесанная и одетая в яркое, расшитое в восточном стиле домашнем платье, спустилась по лестнице вниз.

– Детка моя! – маменька кинулась и обняла её, – ты встала, ты уже на ногах, моя умница, иди, присядь. Юленька, присядь!

– Маменька, прошу, не надо со мной, как со смертельно больной, мне правда, уже гораздо лучше.

– Я, право, рад это слышать. – Деменев обрел дар речи, – но как! Ты еще вчера была словно умалишенная! Я боялся, что это навсегда!

– Все, папенька. Все! Это все в другой жизни. Миша умер. Моя дочь умерла, но я-то, ведь, жива, правда. – Подбородок у Юлии задрожал, она расплакалась, Деменев кинулся к ней, обнял её и прижал к себе.

– Поплачь, детка моя, поплачь, горе оно со слезами выходит...

– Миша! – Юлия плакала навзрыд, – Миша спас меня, а сам погиб!

– Я знаю, милая, знаю, – Деменев пытался погладить её по голове как ребенка,

– Он так меня любил, он жизнь за меня отдал, а я...

– Ну, ну, все, все! Ты его не любила, а он любил, я знаю, так бывает, не вини себя, не убивайся. Сердцу ведь не прикажешь.

– Зачем он меня любил, папа, зачем! Меня нельзя любить... ты помнишь ту ведьму там, у нас дома? Я вспомнила – она тогда кричала такие страшные вещи! Она прокляла меня. Теперь я буду вечной вдовой – все сбывается!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.